

УДК 008 + 811.161.1'373.2;

Р. В. Разумов

<http://orcid.org/0000-0001-9878-2271>

Процесс переименования объектов в Российской Федерации в 1990–2000-е гг. как особая социокультурная практика

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00586
«Урбанонимы как часть языкового ландшафта города: традиции и перспективы рационального развития»*

Для цитирования: Разумов Р. В. Процесс переименования объектов в Российской Федерации в 1990–2000-е гг. как особая социокультурная практика // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 196–204. DOI 10.20323/2499-9679-2020-4-23-196-204

Целью настоящей статьи является анализ процесса переименования объектов как особой социокультурной практики. Под *переименованием* автор понимает разновидность искусственной номинации, проявляющуюся в замене одного имени собственного другим под влиянием экстраномастических факторов в результате принятия специального номинативного акта органом исполнительной или законодательной власти. В статье отмечено, что помимо термина *переименование* в настоящее время стали использоваться термины *реноминация* или *релейминг*. Вопросы переименования объектов впервые рассмотрены на материале изменения названий в 26 городах Российской Федерации, произошедшие в 1990–2000-е гг. Автор отмечает, что основной трудностью при изменении наименования является негативная реакция общества на любое предложение об устранении привычного наименования. Другая сложность обусловлена тем, что новое название должно органично вписываться в уже существующее урбанонимическое окружение. Основная часть статьи содержит анализ трех реальных урбанонимических практик переименования объектов, используемых в 1990–2000-е гг.: возвращение исторических названий, создание урбанонимов, формирующих региональную идентичность, и неофициальное или временное переименование объектов. Автор отмечает, что данные урбанонимические практики во многом продолжают традиции, заложенные еще в советскую эпоху и основанные на мемориальной номинации, увековечивании памяти о каком-либо лице или историческом событии. Отличительной особенностью многих урбанонимов постсоветской эпохи стало их использование для формирования региональной идентичности горожан. Этому служат не только новые мемориальные, но и многие дореволюционные урбанонимы, возвращенные в постсоветскую эпоху. Очевидно, что дальнейшее появление подобных наименований способствует формированию местного городского текста.

Ключевые слова: социокультурная практика, городское онимическое пространство, переименование, официальный урбаноним, меморатив, мотивы номинации.

R. V. Razumov

The process of renaming objects in the Russian Federation in the 1990-2000-s as a special socio-cultural practice

The purpose of this article is to analyze the process of renaming objects as a special socio-cultural practice. By renaming, the author means a kind of artificial nomination manifested in the replacement of one name of his own by another under the influence of extranomastic factors as a result of the adoption of a special nominative act by the executive or legislative body. The article noted that in addition to the term renaming, the terms *renomination* or *renaming* have now been used. The renaming of objects was first considered on the material of name changes in 26 cities of the Russian Federation, which occurred in the 1990–2000s. The author notes that the main difficulty in changing the name is the negative reaction of society to any proposal to eliminate the usual name. Another difficulty is due to the fact that the new name should fit organically into the already existing urbanonomic environment. The main part of the article contains an analysis of three real urbanonymic practices of renaming objects used in the 1990–2000s: the return of historical names, the creation of urbanonyms that form a regional identity, and unofficial or temporary renaming of objects. The author notes that these urbanonymic practices largely continue the traditions laid down in the Soviet era and based on a memorial nomination, perpetuating the memory of a person or historical event. A distinctive feature of many urbanonyms of the post-Soviet era was their use to form the regional identity of citizens. This is served not only by new memorial urbanonyms, but also by many pre-revolutionary urbanonyms returned to the post-Soviet era. Obviously, the further appearance of such names contributes to the formation of a local city text.

Keywords: sociocultural practice, urban onymic space, renaming, official urbanonym, memorial, motives of nomination.

1. Введение

Последние несколько десятилетий ознаменовались активным интересом ученых, принадлежащих к различным гуманитарным наукам, к изучению повседневности, особенностей ее социокультурных практик. Помимо антропологов, культурологов, философов, социологов, рассмотрением специфики этого вопроса стали активно заниматься и лингвисты [см., например: Китайгородская, 2010], что, безусловно, предопределено самой социальной природой языка: «Язык – ключевой объект при анализе повседневности во всей ее полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь. Всякий исследователь обыденной реальности и сознания вынужден быть отчасти лингвистом» [цит. по: Китайгородская, 2010, с. 410].

Особое внимание исследователей культуры повседневности обращено к городу – доминирующей социально-пространственной форме организации общества. Как отмечает Т. С. Злотникова, его исследование возможно в двух основных аспектах: «изучение города как культурного феномена во всей широте, разнообразии и противоречивости его историко-типологических и актуальных связей, и города как среды обитания конкретных людей, принадлежащих к разным социальным и гендерным группам, дающих свидетельства о своей жизни в разного рода источниках – от художественных до непосредственно опросных» [Злотникова, 2012, с. 7]. Оба указанных направления реализуются в лингвистических исследованиях города, его языка, активно развивающихся в нашей стране с 1970-х гг. Одной из его составляющих является внутригородской ономастикон, интерес к которому связан с изучением мира официальных и неофициальных имен собственных, функционирующих в пространстве населенного пункта. В то же время следует отметить, что городские онимы по-прежнему остаются своеобразным «белым пятном» на карте современной науки. Как справедливо отмечает Т. П. Соколова, «урбанонимы по-прежнему рассматриваются фрагментарно: то в рамках топонимики (если это названия улиц), то как периферия ономастического пространства (в основном это касается эргонимов), то в рубрике «Other names» («Прочие имена»)» [Соколова, 2018, с. 197]. Впрочем, в ономастике все-таки стали появляться

первые работы, выходящие за рамки простой «каталогизации» названий отдельного города, пытающиеся зафиксировать ономастическую повседневность и ее социокультурные практики [см., например: Врублевская, 2017; Голомидова, 2018; Крюкова, 2016; Муравьев, 2006; Никитин, 2020; Шмелева, 2014; Urban place names, 2009 и др.].

Особый интерес при изучении городских ономастиконов вызывает исследование социокультурных аспектов создания и функционирования собственных имен, их участие в формировании региональной и локальной идентичности. В основном подобные работы выполняются на материале эргонимов и региональных брендов [Купина, 2005; Михайлова, 2008; Ринчинова, 2008 и др.], но данный аспект исследования может быть раскрыт и на материале официальной урбанонимии [Влахова-Ангелова, 2013; Разумов, 2020; Golomidova, 2020]. Вызывает интерес и исследование переименований как особой социокультурной практики в языке современного города.

2. Переименование объекта как особая социокультурная практика

Одной из социокультурных практик, постоянно протекающих в топонимических системах любых городов, является процесс *переименование объекта* – «замена данного имени объекта другим» [Подольская, 1988, с. 106]. С нашей точки зрения, процитированное определение не достаточно точно указывает на суть данного процесса, поскольку позволяет относить к переименованиям очень широкий круг явлений, в том числе и случаи возникновения неофициальных вариантов названий: например, *Ярославль – Ярик, улица 50 лет ВЛКСМ – Полтинник* и т. д. На наш взгляд, под *переименованием* следует понимать разновидность искусственной номинации, проявляющуюся в замене одного имени собственного другим под влиянием экстраономастических факторов в результате принятия специального номинативного акта органом исполнительной или законодательной власти. Следует отметить, что в настоящее время помимо термина *переименование* иногда используются термины *реноминация* или *ренейминг*. Последний, как правило, встречается в работах по коммерческой номинации, однако теоретически возможно его употребление и

при анализе особенностей топонимической номинации.

Между наименованием нового и переименованием уже существующего объекта, безусловно, существуют определенные различия. А. К. Матвеев в одной из своих статей указал следующее: «Первонаименование, основываясь на топонимической системе, прежде всего обращает внимание на сам безымянный объект. Переименование, напротив, в первую очередь исходит из данных топонимической системы. Первоименование как факт только начинает свою историю, а переименование имеет дело с уже названным, с историческим фактом топонимической системы. Отсюда разные задачи и способы их решения, причем процедура переименования более сложна и болезненна, что и демонстрирует практика современных российских переименований» [Матвеев, 2009, с. 100–101].

Действительно, при создании названия для нового объекта номинаторы фактически не связаны никакими дополнительными условиями: они могут свободно выбирать принцип номинации объекта, урбанонимический термин, форму онима, у них отсутствует необходимость учитывать возможную реакцию жителей на предложенное название, поскольку последние на территории нового объекта, как правило, отсутствуют. Единственное существующее ограничение, которое необходимо учитывать, – это отсутствие подобного или похожего по звучанию топонима на территории населенного пункта.

Иную картину мы наблюдаем в случае с переименованием объекта. Главной трудностью при переименовании является необходимость учитывать возможный будущий конфликт, негативную реакцию общества на устранение привычного всем наименования. Жители объекта с уже существующим названием редко соглашались на его замену, поскольку в будущем могут испытывать определенный дискомфорт. По этой причине во многих городах в местном законодательстве предусмотрено проведение опросов общественного мнения для выяснения готовности жителей к переименованию объекта. Следует отметить, что большинство таких исследований показывает резкое неприятие горожанами процесса замены названия, с какими бы целями оно не проводилось. Например, результаты опроса, проведенного в ноябре 2010 г. Ярославским городским центром изучения общественного мнения и социологических исследований «ЦИОМСИ» по заказу мэрии Ярославля с целью выяснения отно-

шения горожан к возвращению исторических названий ряду центральных улиц города, показывают, что лишь 10,7 % горожан поддержали эту инициативу, в то время как 80,4 % горожан высказались против. Еще одним примером, иллюстрирующим наше утверждение, является ситуация с возвращением исторических названий в Тарусе [Колобков]. Одной из причин возникших проблем стало то, что местные власти предварительно не провели обсуждения этого вопроса с жителями города, не смогли объяснить принятые решения. Непонятна горожанам и логика некоторых возвращений: «Скажем, по улице Каляева никто особенно не скорбит. Потому как она была названа в честь террориста, убившего Великого Князя Сергея Александровича (сына Александра II). Теперь это улица Боголюбская. А вот Пионерскую, например, ставшую Огородной, оплакивают горячими слезами (отсюда и тот самый плакат «Мы вам не овощи»). – *Навязывая нам таблички «Лесопильная», «Кирпичная», лучше пусть ответят народу*, – восклицает член Союза писателей России, ветеран труда Виктор Иванов, – *куда делься кирпичный завод, лесопилка, роддом, баня, инфекционное отделение в больнице?* Это ещё одна болевая точка. Люди не понимают, зачем вообще заниматься переименованием улиц, тратить на это время и деньги, когда в городе есть дела поважнее. Не говоря уже о бюрократических проволочках, без которых в глубинке переоформить документы не получится» [Колобков]. Другой сложностью, возникающей при осуществлении процесса реноминации объекта, является необходимость учитывать окружающий урбанонимический ландшафт, онимическое окружение объекта, поскольку новое название должно органично вписываться в уже существующую городскую среду. К сожалению, реальная историческая практика реноминации объектов демонстрирует полное игнорирование этого требования, что приводит к одновременному существованию на карте города в непосредственной близости друг от друга дореволюционных и советских названий. Например, в Ярославле в результате принятых решений дореволюционные названия, большинство из которых были образованы от экклезионимов, сосуществуют на карте города с мемориальными (улица *Нахимсона*, улица *Андропова* и др.) и идеологическими урбанонимами (улица *Большая Октябрьская*, улица *Советская*, улица *Комсомольская* и др.).

Несмотря на все выделенные выше сложности, процесс переименования внутригородских объек-

тов по-прежнему характерен для урбанонимических систем российских городов. В настоящей статье мы намерены проследить основные особенности этого явления, зафиксированные в постсоветский период истории Российской Федерации.

Следует отметить, что наш анализ мы проводим на материале нестоличных городов, урбанонимические системы которых недостаточно хорошо изучены и мало описаны. Материалы по Москве и Санкт-Петербургу мы не включили в наше исследование, поскольку они многократно исследованы, в том числе в работах, опубликованных в последнее десятилетие [см., например: Владимирович, 2014; Соколова, 2016]. Диапазон городов, выбранных для изучения также различен: в него включены как города-миллионники, так и обычные большие и малые города Российской Федерации. Следует отметить, что изучать процесс постсоветских переименований чрезвычайно сложно. Во многом это связано с отсутствием фактических материалов по подобным процессам в российских городах. К тому же случаи переименования объектов в постсоветскую эпоху встречаются сравнительно редко, в основном они были характерны для 1990-х гг., о которых сложно найти информацию в открытых источниках. При подготовке нашего исследования мы использовали материалы по переименованиям объектов в 26 городах Российской Федерации: Белгороде, Великом Новгороде, Владивостоке, Данилове, Екатеринбурге, Иванове, Казани, Кирове, Костроме, Красноярске, Курске, Лениногорске, Махачкале, Новороссийске, Перми, Подольске, Пскове, Рыбинске, Старой Руссе, Тамбове, Твери, Томске, Туле, Чите, Элисте, Ярославле.

3. Переименование объектов в современной России

Распад СССР привел не только к образованию на его территории ряда независимых государств, но и к изменению идеологических установок, экономической, культурной и общественной жизни новых / старых стран. Все это, безусловно, должно было повлиять и на изменение онимического вкуса горожан, которое было подготовлено многочисленными топонимическими дискуссиями конца 1980-х гг. Тем не менее анализ реальных урбанонимических практик показывает, что процессы переименования объектов во многом продолжают традиции, заложенные в советскую эпоху. В то же время данное явление стало использоваться и для формирования региональной идентичности горожан.

3.1. Переименование как реституция памяти

Одним из распространенных видов переименования объектов в постсоветскую эпоху стало возвращение исторических названий. Следует отметить, что данный процесс был начат еще в советское время, в годы перестройки, однако основное развитие в провинциальных городах он получил уже в современной России. Возвращение исторических названий стало своеобразной попыткой местных властей восстановить дореволюционную историю российских городов, уйти от того единообразия урбанонимов, которое существовало в советскую эпоху. Следует отметить, что данный процесс протекал в российских городах с разной степенью интенсивности. В большинстве населенных пунктов происходило восстановление лишь отдельных исторических названий для объектов, расположенных преимущественно в центральной части города. Именно такая модель возвращения дореволюционных урбанонимов реализована в Перми, Томске, Туле, Старой Руссе, Ярославле и т. д. Лишь в сравнительно небольшом количестве населенных пунктов произошло массовое научное восстановление исторических названий. Помимо Москвы и Санкт-Петербурга, данная модель была реализована в Великом Новгороде и Рыбинске. Следует отметить, что в обоих городах процесс массового возвращения исторических названий был осуществлен в 1990-е гг., когда отсутствовал широкий класс собственников недвижимости. Нам не удалось найти информации о других подобных случаях, произведенных в 2000-е гг. в других населенных пунктах.

Как показывает собранный нами материал, в результате возвращения исторических названий на карты российских городов возвращаются 3 типа урбанонимов.

Во-первых, в городах вновь стали появляться урбанонимы, мотивированные названиями церквей, монастырей и т. п. объектов: *Благовещенская улица* (Тула, 1995), *Богоявленская площадь* (Ярославль, 1993), *Большая Федоровская улица* (Ярославль, 1993), *Введенская улица* (Рыбинск, 1993), *Большая, Малая и Средняя Казанские улицы* (Рыбинск, 1993), *Георгиевская улица* (Старая Русса, 1992), *Монастырская улица* (Пермь, 2012), *Новособорная площадь* (Томск, 1997), *Петропавловская улица* (Пермь, 2009), *Пятницкая улица* (Киров, 2012), *Трехсвятская улица* (Тверь, 1993), *Троицкая улица* (Тверь, 1993), *Соборная площадь* (Белгород, 2004) и др. Следует отметить, что все перечисленные названия ни в коем случае не яв-

ляются пропагандой религии. Они по-прежнему являются удобными ориентирами, по которым горожане могут распознать улицу, т.к. храмы и монастыри, как правило, являются высотными доминантами, хорошо заметны из разных районов города.

Во-вторых, в городах были возвращены некоторые урбанонимы, содержащие историко-культурную информацию об объекте. К таковым можно отнести, например, урбанонимы, восстановленные в Рыбинске: *Красная площадь* (1993, по названию Красных торговых рядов), *Стоялая улица* (1993; до революции на улице располагались многочисленные постоянные дворы). В Туле были восстановлены три названия, связанные с оружейным промыслом: *Литейная улица* (1992), *Пробная улица* (1992), *Ложевая улица* (1993). В других городах Российской Федерации нами также отмечены случаи возвращения урбанонимов, реализующих региональную историко-культурную идентичность: *Алеутская улица* (Владивосток, 1992), *Кузнецкая улица* (Псков), *Новоторжская улица* (Тверь, 1991), *Пекинская улица* (Владивосток, 1992), *Сибирская улица* (Пермь, 1998), *Сусанинская площадь* (Кострома, 1992), *Татарский переулок* (Тверь, 1993), и др. Многие подобные названия, к сожалению, мало понятны жителям современного города, они утратили для них свою первоначальную мотивировку, поэтому фактически являются меморативами, напоминают о былой истории населенного пункта.

В-третьих, в некоторых городах были восстановлены дореволюционные урбанонимы, мотивированные антропонимами. Подобные названия были призваны восстановить память о местных купцах, меценатах и благотворителях, много сделавших для своей малой родины: *Фроловская улица* (Рыбинск, 1993), *Карякинская улица* (Рыбинск, 1993), *Румянцевская улица* (Рыбинск, 1993), *Демидовская улица* (Тула, 1992), *улица Демидовская Плотина* (Тула, 1992).

Возвращение исторических названий – важный процесс восстановления региональной и локальной идентичности, который не должен политизироваться. К сожалению, данное явление практически исчезло из топонимических практик XXI века.

3.2. Переименование как способ формирования региональной идентичности

В течение советского периода истории страны урбанонимы активно использовались для формирования у горожанина советской идентичности: с помощью городских названий пропагандировались важные для власти понятия (*Советская ули-*

ца), господствующие классы (*Рабочая улица*, *Крестьянская улица*), события (*Октябрьская улица*, *площадь Революции*), политические и общественные деятели, деятели культуры и науки (*проспект Ленина*, *улица Плеханова*) и т. д. Одним из устойчивых урбанонимических стереотипов, сформировавшихся в советскую эпоху, стало представление о том, что лучшим способом увековечивания памяти о человеке является присвоение его имени и фамилии какому-либо географическому или городскому объекту. Это убеждение является очень устойчивым в современном общественном сознании россиян, поэтому городские топонимические комиссии вынуждены постоянно рассматривать подобные предложения. Например, на заседаниях городской межведомственной комиссии по наименованию объектов улично-дорожной сети в городе Ярославле обращения граждан по этому поводу рассматриваются довольно часто. Так, почти сразу же после убийства Б. Е. Немцова в мэрию города поступило предложение о переименовании в его честь какой-либо улицы. Несмотря на то, что известный политик был депутатом Ярославской областной думы, комиссия приняла решение отказать заявителем, поскольку его деятельность не была тесно связана с Ярославлем, который он посещал лишь с краткосрочными визитами.

Следует отметить, что под влиянием стереотипов, сложившихся в СССР в 1920-е гг., в российских городах сформировался довольно устойчивый состав годонимов и агоронимов, часто встречающихся в различных населенных пунктах. По нашим данным, собранным в Центральном федеральном округе Российской Федерации, урбаноним *Советская улица* встречается в 90 % городах страны, *Садовая улица* – в 86 %, *Комсомольская улица* – в 85 %, *Октябрьская улица* – в 81 %, *улица Ленина* – в 78 % и т. д. С распадом СССР переименования внутригородских объектов стали использоваться для устранения подобных топонимов, заменой их на названия, формирующие региональную и локальную идентичность.

Данный процесс особенно хорошо заметен в городах, расположенных в национальных республиках. Например, подобную картину мы можем наблюдать в Махачкале, в которой сменили свои названия многие внутригородские объекты. Так, в 1996 году *проспект Калинина* был переименован в *проспект Имама Шамиля*, *проспект Кирова* – в *проспект Гамидова*, *проспект Карла Маркса* – в *проспект Алигаджи Акушинского*, а в 2005 году *проспект Ленина* – в *проспект Расула Гам-*

затова. Аналогичные изменения названий произошли в 1990–2000-е гг. у многих улиц и переулков Махачкалы. Как видно из приведенных примеров, для формирования региональной идентичности использовался советский стереотип: большинство вновь образованных названий являются персональными меморативами, увековечивающими память об уроженцах Дагестана.

В населенных пунктах других регионов нашей страны мы также находим случаи создания новых урбанонимов с региональной привязкой в результате процесса переименования объектов. Например, в Белгородской области в 2004 г. в результате этого процесса возникли названия: *улица 50-летия Белгородской области* ← *улица Чернышевского*, *Белгородский проспект* ← *улица Литвинова*, *улица Белгородского полка* ← *улица Кирова*, *улица Князя Трубецкого* ← *улица Воровского*, *улица Чумичова* ← *улица Красина* и др.

Интересный пример постсоветского переименования произошел в городе Иваново в 2010 г. На карте города с 1927 г. существовало название *улица Боевиков*, увековечивающее память о боевой большевистской дружине 1905–1907 гг., которая производила свои учения в пригородном лесу, расположенном неподалеку. Очевидно, что в контексте 2000-х гг. это название приобрело отрицательные коннотации: ‘член вооруженной группировки, входящей в неформальную (обычно террористическую) организацию’ [Толковый словарь..., 2007, с. 53]. При переименовании объекту было присвоено имя *Якова Гарелина* – ивановского мецената и фабриканта, основателя ситцевой мануфактуры. Аналогично поступили местные власти в 2012 г. и с названием *проспект Фридриха Энгельса*, замененном на *Шереметевский проспект*.

Реконструкция городской территории, упорядочение адресной системы населенного пункта также могут быть использованы для присвоения названий, формирующих региональную идентичность. В отличие от предыдущих случаев, местные власти сохраняли и прежние названия объекта, выделяя из его состава новый адресный объект. По такому пути пошла администрация Рыбинска, выделив в микрорайоне Кирова *Нобелевскую улицу* и *улицу Нефтяников* (современная нефтебаза, расположенная на этой территории, до революции принадлежала компании «Братья Нобель», нефтеналивные баки сохранились с дореволюционной эпохи до настоящего времени). Части *Рыбинской улицы* было присвоено название *Бурлацкая улица* (до революции Рыбинск считался

неофициальной столицей бурлаков, в городе на берегу Волги установлен памятник бурлаку работы скульптора Л. Писаревского), а части *Сельскохозяйственной улицы* – *улица Ошанина*. Иногда к изменению названия части объекта прибегают для того, чтобы избежать возможного конфликта с местным населением. Например, в Екатеринбурге по такой схеме произошло переименование *улицы Толмачева*, фрагменту которой было присвоено наименование *Царская улица* [см. об этом: Razumov, 2019, p. 201–205].

Как видим, при переименованиях объектов местные власти довольно часто прибегают к созданию названий, реализующих региональную идентичность. Правда, следует отметить, что в большинстве своем они реализуют традиционный советский стереотип: увековечивание памяти о каком-либо известном человеке, чья жизнь или деятельность была связана с населенным пунктом.

3.3. Переименование как культурная или политическая акция

В 2000-е гг. в Российской Федерации появилась традиция создания временных названий. Следует отметить, что за рубежом подобная практика существует достаточно давно. Например, на новостных порталах нам удалось найти следующие сообщения о временных переименованиях: «В городе Форни, штат Техас, одной из улиц временно присвоили название в честь канадского поп-певца Джастина Бибера. Соответствующее решение приняла 11-летняя Кэролайн Гонсалес, которая выиграла право стать мэром Форни на один день, пишет издание *Pegasus News of Dallas*» (<http://lenta.ru/news/2011/08/17/name>, 17.08.2011), «Улицу Манхэттена на неделю переименовали в честь U2. Мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг объявил о временном переименовании одной из улиц Манхэттена в честь ирландской группы U2, сообщает Reuters» (<http://lenta.ru/news/2009/03/04/u2/>, 04.03.2009). В нашей стране подобная практика стала применяться сравнительно недавно, уже в постсоветскую эпоху. Наиболее известен случай временного переименования города *Волгограда* в *Сталинград*. Другим примером подобного процесса может служить реноминация объектов в Новороссийске, в котором несколько улиц временно изменили наименования в честь новогодних праздников: «По мнению авторов инициативы, временное переименование улиц поможет улучшить настроение жителей города и вызвать у них приятные ассоциации с наступающим Но-

вым годом. Всего решено присвоить новые названия пяти улицам. Так, улица Советов превратится в улицу Праздничных Огоньков, переулок Ленина – в улицу Дедов Морозов, улица Энгельса – в улицу Снеговиков, улица Новороссийской республики – в улицу Подарков, а Мысхакское шоссе – в улицу Снежинок. Власти города предложили представителям местных предприятий разработать праздничное оформление фасадов и балконов домов в связи с переименованием улиц. В какие сроки планируется реализовать проект по переименованию улиц, не уточняется» [В Новороссийске].

Помимо случаев присвоения временных названий, в 2000-е гг. нами отмечены и случаи самовольного переименования улиц. Интересно, что впервые подобные арт-акции были отмечены в Москве сразу же после революции. Как отмечал известный исследователь московской топонимии В. Муравьев, в 1921 г. поэты-имажинисты «наименованием своими именами улиц решили добиться поэтической славы, но при этом прибегли к обману, так как законным способом получить свои улицы они не имели надежды. <...> Имажинисты заказали в мастерской эмалированные дощечки с надписями „Улица Есенина“, „Улица Кусикова“, „Улица Мариенгофа“, „Улица Шершеневича“» [Муравьев, 2013, с. 31–32]. В настоящее время к подобным акциям часто прибегают противники существующих названий, а также поклонники некоторых политических деятелей: «Православный предприниматель попытался переименовать улицу. <...> Как сообщает „Интерфакс“, Бойко-Великий хотел переименовать улицу Большая Декабрьская в Большую Ваганьковскую и поменял табличку на доме номер 3, не имея на это никаких разрешений. „О переименовании улицы хозяин предприятия уведомил только его работников“, – рассказали агентству в пресс-службе ЦАО» (<http://lenta.ru/news/2011/09/05/rename/>, 05.09.2011), «Московский священник самовольно переименовал улицу. <...> Московский священник Димитрий Смирнов повесил на храм святителя Митрофана Воронежского, где он служит, табличку с надписью „Царская, 40“. Об этом сообщает „Православие и мир“» (<http://lenta.ru/news/2012/02/27/street>, 27.02.2012); «Улицу в Зеленограде „назвали“ в честь Уго Чавеса. Активисты развесили на домах в Зеленограде таблички с обозначением улицы Уго Чавеса. Указатели появились на домах в ночь на 14 апреля, сообщает портал Zelenograd.ru»

(<http://lenta.ru/news/2013/04/15/hugo>, 15.04.2013); «В Тюмени появилась улица имени Жириновского. <...> „Восьмой километр Старотобольского тракта“ в Тюмени неожиданно стал „улицей имени Владимира Жириновского“. Даже дорожный указатель появился, все как положено. Только вот непонятно: кто его установил» (КП, 17.04.2014). Нам встретилось всего одно неполицейское переименование, организованное фанатами футбольного клуба «Зенит»: «Проспект в Санкт-Петербурге „переименовали“ в честь бывшего тренера „Зенита“. В Санкт-Петербурге на доме по адресу Московский проспект, 73, табличку с названием улицы закрыли наклейкой „проспект им. П. Ф. Садырина“, сообщает „Интерфакс“. Это произошло в ночь на 18 сентября. Акция проведена по случаю 70-летия со дня рождения бывшего главного тренера футбольного клуба „Зенит“ Павла Садырина, скончавшегося в 2001 году» (<http://vip.lenta.ru/news/2012/09/18/sadyrin/>, 18.09.2012). Следует отметить, что за рубежом также отмечены подобные случаи самовольных переименований: «В ночь с пятницы на субботу антиглобалисты провели самовольное переименование парижских улиц и площадей, сообщает Reuters. При помощи фальшивых указателей антиглобалисты превратили площадь Звезды в площадь Билла Гейтса. Площадь Пантеона, расположенная в центре Латинского квартала, стала площадью Auchan, по названию сети супермаркетов» (<http://lenta.ru/oddy/2002/09/09/rename/>, 09.09.2020).

Очевидно, что временное переименование объектов является перспективной идеей, способной без значительных материальных затрат напоминать горожанам об известных исторических личностях и событиях, связанных с историей населенного пункта. Подобное изменение названия может быть приурочено к какой-либо исторической дате, празднику, юбилею.

4. Заключение

Проведенное исследование позволило описать основные особенности переименования объектов в постсоветский период развития городов, выявило ряд проблем, возникающих при создании названий. Анализ зафиксированных случаев изменения наименований показывает, что данный процесс стал использоваться для формирования у горожан их региональной идентичности. Для этого используются не только новые мемориальные топонимы, но и возвращенные на карту населен-

ных пунктов дореволюционные названия. Очевидно, что дальнейшее появление подобных наименований способствует формированию местного городского текста. Очевидно, что в каждом населенном пункте необходимо разработать концепцию региональной урбанонимической политики, для создания которой следует привлечь историков, культурологов, филологов и краеведов.

Библиографический список

1. Владимирович А. Г., Ерофеев А. Д. Откуда приходят названия. Петербургские улицы, набережные, площади от аннинских указов до постановлений губернатора Полтавченко. Москва : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2014. 319 с.
2. Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике. Волгоград : Издательство ВГСПУ «Перемена», 2017. 329 с.
3. В Новороссийске появится улица Дедов Морозов. URL: <http://pda.lenta.ru/news/2012/12/07/streets/> (дата обращения: 27.04.2013).
4. Голомидова М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 185–200.
5. Злотникова Т. С. Город-феномен и город-среда в междисциплинарном научном дискурсе // Городская культура и город в культуре: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. С. В. Соловьевой. Самара : СГАКИ, 2012. С. 7–13.
6. Касавин И. Т., Щавель С. П. Анализ повседневности. Москва : Институт философии РАН, 2004.
7. Качалкова Ю. А., Рут М. Э. «Идеологические» урбанонимы и переименование городских объектов // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 179–192.
8. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. Москва : Языки славянских культур, 2010. 496 с.
9. Колобков П. Зачем власти Тарусы пошли против собственных жителей и переименовали в городе 16 улиц. URL: <https://www.vladimir.kp.ru/daily/2171205.5/4317861/> (дата обращения 09.11.2020).
10. Крюкова И. В., Врублевская О. В., Кирпичева О. В. Имена собственные в макро- и микросоциуме. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2016. 168 с.
11. Купина Н. А., Михайлова О. А. Региональные онимы в лингвокультурном пространстве города // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г.) / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 46–48.
12. Матеев А. К. Тенденции и практики в современной урбанонимации // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 100–105.
13. Михайлова О. А. Отражение региональной идентичности в языковом пространстве города // Язык современного города : тез. докл. междунар. конф. «Восьмые Шмелевские чтения» / отв. ред. М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин. Москва : ИРЯ РАН, 2008. С. 120–122.
14. Муравьев В. Московские улицы: секреты переименований. Москва : Алгоритм, 2013. 338 с.
15. Никитин С. А. Страна имен. Как мы называем улицы, деревни и города в России. Москва : Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.
16. Разумов Р. В., Горяев С. О. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 201–219.
17. Ринчинова А. В. Специфика создания бренда региона на материале имен собственных // Имя. Социум. Культура : материалы II Байкальской междунар. ономастической конф. (4–6 сентября 2008 г.) / отв. ред. Л. В. Шулунова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. С. 262–264.
18. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза : организация и производство. Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2016. 208 с.
19. Соколова Т. П. Проблемы описания городского ономастикона // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1. С. 196–206.
20. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Изд-кий центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.
21. Шмелева Т. В. Ономастикон российского города. Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 138 с.
22. Влахова-Ангелова М. Улиците на София: картографиране на градската идентичност. София : Ин-т за български език «Проф. Любомир Андрейчин», 2013. 327 с.
23. Golomidova M. Municipal Toponymic Policy as a Tool for Translation of Regional Identity: a Case of Modern Kazan (Russia) // Journal of Geography, Politics and Society. 2020. Vol. 10. № 3. P. 42–54.
24. Razumov R. Goryaev S. Restoration of Urbanonyms with Sacred Allusions in the System of Urban Object Names in the Russian Language of the End of the Twentieth and the beginning of the Twenty-First Century // Onomastics between Sacred and Profane / Edited by Oliviu Felecan. Wilmington : Vernon Press, 2019. P. 197–212.
25. Urban place names: International symposium (13–16 August 2009, Helsinki) / Compiled by Terhi Ainiola & Jani Vuolteenaho. Helsinki : Research Institute for the languages of Finland, 2009.

Reference List

1. Vladimirovich A. G., Erofeev A. D. Otkuda prihodjat nazvanija. Peterburgskie ulicy, naberezhnye, ploshhadi ot anninskih ukazov do postanovlenij gubernatora Poltavchenko = Where the names come from. Petersburg streets, embankments, squares from Anninsky decrees to decisions of Governor Poltavchenko. Moskva : ZAO Izd-vo Centrpoligraf, 2014. 319 s.

2. Vrublevskaia O. V. Jazykovaja moda v ruskoj onomastike = Language fashion in Russian onomastics. Volgograd : Izdatel'stvo VGSPU «Peremena», 2017. 329 s.
3. V Novorossijske pojavitsja ulica Dedov Morozov = Santa Claus Street will appear in Novorossiysk. URL: <http://pda.lenta.ru/news/2012/12/07/streets/> (data obrashhenija: 27.04.2013).
4. Golomidova M. V. Sovremennaja urbanonimicheskaja nominacija: strategicheskie podhody i prakticheskie reshenija = Modern urbanonymic nomination: strategic approaches and practical solutions // Voprosy onomastiki. 2017. T. 14. № 3. S. 185–200.
5. Zlotnikova T. S. Gorod-fenomen i gorod-sreda v mezhdisciplinarnom nauchnom diskurse = Phenomenon city and environment city in interdisciplinary scientific discourse // Gorodskaja kul'tura i gorod v kul'ture: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. S. V. Solov'evoj. Samara : SGAKI, 2012. S. 7–13.
6. Kasavin I. T., Shhavel' S. P. Analiz povsednevnosti = Analysis of everyday life. Moskva : Institut filosofii RAN, 2004.
7. Kachalkova Ju. A., Rut M. Je. «Ideologicheskie» urbanonimy i pereimenovanie gorodskih objektov = «Ideological» urbanonyms and renaming of city objects // Voprosy onomastiki. 2019. T. 16. № 3. S. 179–192.
8. Kitajgorodskaja M. V., Rozanova N. N. Jazykovoe sushhestvovanie sovremennogo gorozhanina: Na materiale jazyka Moskvy = The linguistic existence of a modern city dweller: On the material of the language of Moscow. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. 496 s.
9. Kolobkov P. Zachem vlasti Tarysy poshli protiv sobstvennyh zhitelej i pereimenovali v gorode 16 ulic = Why did the Tarusa authorities go against their own residents and rename 16 streets in the city. URL: <https://www.vladimir.kp.ru/daily/2171205.5/4317861/> (data obrashhenija 09.11.2020).
10. Krjukova I. V., Vrublevskaia O. V., Kirpicheva O. V. Imena sobstvennye v makro- i mikrosociume = Proper names in the macro and microsociety. Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2016. 168 s.
11. Kupina N. A., Mihajlova O. A. Regional'nye onimy v lingvokul'turnom prostranstve goroda = Regional onyms in the linguistic and cultural space of the city // Onomastika v krugu gumanitarnyh nauk : materialy mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 20–23 sentjabrja 2005 g.) / pod red. M. Je. Rut. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2005. S. 46–48.
12. Mateev A. K. Tendencii i praktiki v sovremennoj urbonominacii = Trends and practices in modern urbanonymic nomination // Voprosy onomastiki. 2009. № 7. S. 100–105.
13. Mihajlova O. A. Otrazhenie regional'noj identichnosti v jazykovom prostranstve goroda = Reflection of regional identity in the language space of the city // Jazyk sovremennogo goroda : tez. dokl. mezhdunar. konf. «Vos'mye Shmelevskie chtenija» / otv. red. M. V. Kitajgorodskaja, L. P. Krysin. Moskva : IRJa RAN, 2008. S. 120–122.
14. Murav'ev V. Moskovskie ulicy: sekrety pereimenovanij = Moscow streets: secrets of renaming. Moskva : Algoritm, 2013. 338 s.
15. Nikitin S. A. Strana imen. Kak my nazyvaem ulicy, derevni i goroda v Rossii = Country of names. As we call streets, villages and cities in Russia. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 320 s.
16. Razumov R. V., Gorjaev S. O. Transljacija regional'noj identichnosti v urbanonimii rossijskih gorodov: sovremennoe sostojanie = Broadcast of regional identity in urbanonymy of Russian cities: modern state // Voprosy onomastiki. 2020. T. 17. № 2. S. 201–219.
17. Rinchinova A. V. Specifika sozdaniya brenda regiona na materiale imen sobstvennyh = Specifics of creating a region brand on the material of proper names // Imja. Socium. Kul'tura : materialy II Bajkal'skoj mezhdunar. onomasticheskoj konf. (4–6 sentjabrja 2008 g.) / otv. red. L. V. Shulunova. Ulan-Udje : Izd-vo Burjat. gos. un-ta, 2008. S. 262–264.
18. Sokolova T. P. Nejmingovaja jekspertiza : organizacija i proizvodstvo = Naming expertise: organization and production Moskva. : Izdatel'stvo «Jurlitinform», 2016. 208 s.
19. Sokolova T. P. Problemy opisaniya gorodskogo onomastikona = Urban onomasticon description problems // Voprosy onomastiki. 2018. T. 15. № 1. S. 196–206.
20. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vključeniem svedenij o proishozhdenii slov = An explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words / otv. red. N. Ju. Shvedova. Moskva : Izd-kij centr «Azbukovnik», 2007. 1175 s.
21. Shmeleva T.V. Onomastikon rossijskogo goroda = Onomasticon of the Russian city. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 138 s.
22. Vlahova-Angelova M. Ulicite na Sofija: kartografirane na gradskata identichnost. Sofija : In-t za b#lgarski ezik «Prof. Ljubomir Andrejchin», 2013. 327 s.
23. Golomidova M. Municipal Toponymic Policy as a Tool for Translation of Regional Identity: a Case of Modern Kazan (Russia) // Journal of Geography, Politics and Society. 2020. Vol. 10. № 3. R. 42–54.
24. Razumov R. Goryaev S. Restoration of Urbanonyms with Sacred Allusions in the System of Urban Object Names in the Russian Language of the End of the Twentieth and the beginning of the Twenty-First Century // Onomastics between Sacred and Profane / Edited by Oliviu Felecan. Wilmington : Vernon Press, 2019. P. 197–212.
25. Urban place names: International symposium (13–16 August 2009, Helsinki) / Compiled by Terhi Aini-ala & Jani Vuolteenaho. Helsinki : Research Institute for the languages of Finland, 2009.